

Ночь прошла без снов, а на следующее утро евнух Хай явился с людьми объявить императорский указ. Его содержание примерно совпадало с тем, что рассказывал Шэн Дайчуань: мол, я, Сяхоу Цянь, совершил тягчайшую измену, преступления мои ужасны и непростительны, но в чём конкретно они заключались — не объяснялось, лишь туманно намекалось на «дерзость по отношению к вышестоящему».

Меня обвинили в дерзости и приговорили к немедленной казни.

Надо сказать, самый богатый человек в Поднебесной — всё же император: даже последнюю трапезу мне подали в виде восьми блюд и супа. Под пристальным взглядом евнуха Хая я доел миску риса, почесал свою растрёпанную, как птичье гнездо, голову и вздохнул:

— Евнух Хай, скажу вам по совести: я и вправду невиновен. Если государь желает моей смерти, мне не перечить. Но одну просьбу я до вас донести должен.

— Какую? — спросил евнух Хай.

— Уж будьте добры, когда государь будет в хорошем расположении духа, выясните, за что именно меня казнят. А узнав — сожгите на моей могиле немного ритуальных денег, чтобы я хоть с ясным сознанием на тот свет отправился.

К тому моменту евнух Хай, видимо, уже заподозрил неладное и смягчился:

— Генерал Сяхоу, скажу и я вам откровенно: у государя есть причина для такого гнева, но её посторонним знать не положено. Вы просто, вышло так, под горячую руку попали.

Я с горечью цыкнул — хмель ещё давал о себе знать, и лицо моё скривилось, словно горькая тыква:

— Евнух Хай, коли сказать нельзя, может, хоть на бумажке напишете да сожжёте для меня?

Евнух Хай кивнул, долго колебался, наконец присел, окунул палец в жёлтое вино и вывел на столе одну фразу.

«Государь подвергся непристойному посягательству». Вот что написал евнух Хай. Я было подумал, глаза мне не верят.

Тут-то я наконец и понял, почему государь так настаивал на моей казни.

Вот же чёрт! Какой негодяй, сумасшедший, жизни не дорог, решил, что двух борделей в столице ему мало, и полез к самому императору! И после этого ещё и меня подвёл?! Э-э-э... Да я этого мерзавца живьём съем! Дождётся, как стану призраком, выясню, кто он такой, — и тогда он у меня сполна ответит! Напугаю до того, что лицо перекосит, полтела парализует и с испражнениями не совладеет!

Наевшись и напившись, я приготовился в последний путь. С поникшей головой я шёл впереди, а евнух Хай следовал рядом:

— Генерал Сяхоу, любой на вашем месте был бы в смятении. Государь в гневе, и никто его урезонить не может. Вы... вы примете несправедливую смерть. Если уж на кого обиду держать — так на меня, а на государя не пеняйте.

Я снова вздохнул. Один приступ гнева государя — и моей жизни конец. Разве можно не

обижаться? Подумав, я повернулся к евнуху Хаю:

— Постараюсь.

Когда мы добрались до Западной улицы, палач уже был на месте и точил свой меч на платформе. Я огляделся и увидел отца: весь в слезах, он пробивался сквозь толпу, и волосы его, кажется, сильно поседели. Увидел и Ши Ичжи — тот стоял рядом с отцом с каменным лицом, глаза чернее чернил. Ши Лань плакала, звав Шэньли, а мои друзья, с которыми я был в хороших отношениях, вытягивали шеи, чтобы взглянуть на меня.

На душе стало очень горько.

Отец, прости. Сын до самой смерти не давал тебе покоя и не оставил наследника. Ши Ичжи, только не вздумай из-за нашей старой вражды забыть сжечь для меня ритуальные деньги. И Лань... Лань, поскорей найди себе хорошего мужа.

По команде судьи меня схватили два силача и заставили встать на колени на платформе.

С начала и до конца я не увидел Се Цзина — того, кто, как говорили, несколько дней стоял на коленях у дверей императорского кабинета, умоляя за меня.

Авторское примечание:

Главный герой умер, и история закончилась. Шучу, конечно!

Казнь через обезглавливание — событие торжественное. Могу ответственно заявить: все рассказы о мгновенной казни — сплошная чепуха.

Меня прижали к платформе. Судья, худощавый старик с козлиной бородкой, прикрыл рукой лоб от солнца и смотрел на небо.

Эх, поздняя весна — и от солнца защищается! Неженки эти чиновники.

Похоже, сегодня мне действительно суждено умереть.

Ожидание смерти было мучительным. Капли пота стекали с висков в глаза, и после нескольких морганий всё вокруг стало расплывчатым и болезненно ярким.

Я стоял на коленях, ноги затекли, время тянулось. Судья ударил деревянным молотком, тяжело дыша — словно от истощения:

— Есть последние слова?

Подумав, я вытянул шею, подражая Ду Э:

— В этот миг я понимаю, что мне не избежать смерти. Но я действительно невиновен! И если Небеса справедливы, то после моей смерти это место должно...

Я хотел сказать: «Хотя бы год не будет дождя», — но замолчал на полуслове, мысленно дав себе пощёчину. Зачем мне накликать беду на Великую Чу? Если уж проклинать, то знать бы, кого...

Я собрался с духом и громко провозгласил:

— Государь оклеветал меня, и я лишь надеюсь, что после моей смерти он встретит настоящего убийцу!

Я сказал это с издевкой, выделив слово «убийца», и хотя окружающие не поняли, евнух Хай сразу побледнел.

— Генерал, — взвизгнул он, — говорят, перед смертью человек становится добрее! Вы... вы будьте осторожны в словах!

Я покосился на него, приняв вид задиры, привыкшего к армейской жизни:

— А разве рот у человека не для того, чтобы есть да говорить? Я больше говорить не смогу, а вы и последние жалобы мне высказать не даёте?

Евнух Хай, задрвав палец, начал: «Ты... ты... ты-ты-ты...», но в итоге только вздохнул, оставив фразу незавершённой, и дрожащий голос его долго висел в воздухе.

— Ты... ты... ты-ты-ты — вы... грех, грех! Ох-ох-ох!..

Судья посмотрел на меня, потом на евнуха Хая, затем снова на меня. Видимо, заразившись его смятением, тоже вздохнул.

Палач за моей спиной уже наточил меч. Стальное лезвие блестело на солнце, отражая моё лицо.

Я вдруг пожалел, что вчера пытался геройствовать. Много лет воевал, убил бесчисленное множество людей, и мне казалось, что умру только на поле боя. А тут — принять чужую вину и умереть на платформе... Слишком уж унижительно.

Ещё подумал: говорят, если меч достаточно остер, то после отсечения головы сознание не гаснет сразу — можно увидеть, как тело падает...

Кстати, наверное, увижу легендарных Чёрного и Белого Владык Смерти. Или Быкоголового с Конноголовым — всех этих посланников смерти. С детства не мог их различить, вот сейчас и разберусь.

Ноги задрожали. Предки, хватит думать — чем больше думаешь, тем страшнее.

Палач занёс меч. Я закрыл глаза, сосчитал до трёх — но голова не упала. Вместо этого с лошади свалился мой давний, выстраданный Се Цзин.

Се Цзин поспешно подскакал, бережно прижимая к груди императорский указ. Глаза мои загорелись.

— Остановите казнь! — закричал он.

Не успели слова прозвучать, как палач дрогнул — и лезвие, скользнув в сторону, срезало лишь прядь моих волос.

Я, жалкий, стоял на коленях, уставившись на Се Цзина, и в глазах моих, кажется, вспыхнул зелёный огонёк.

Я считал Се Цзина хрупким юношей, но оказалось, он ловок: упав, он тут же перекатился, и указ не запачкался ни пылинкой.

Се Цзин не смотрел на меня. С каменным лицом он обратился к судье, и голос его прозвучал твёрдо и ясно:

— Государь повелевает: смертную казнь Сяхоу Цяню отменить, понизить до алебардщика. Ваша честь, можете удалиться.

Раньше мне нравился голос Се Цзина — чистый, звонкий. Но сейчас он показался мне прекраснейшим звуком на свете. Честное слово, я никогда не слышал ничего прекраснее.

Меня... и вправду помиловали? Евнух Хай же говорил, что государь в гневе и никто не может его уговорить. Как же Се Цзину удалось убедить государя пощадить меня?

Я взглянул на Се Цзина — лицо его было усталым, осунувшимся, — и в груди что-то постыдно закипело.

Если отбросить стыд и подумать: я ведь много раз помогал Се Цзину. А теперь он, рискуя, спас мне жизнь. Всё это выходило за рамки обычной дружбы. Возможно... возможно, моя безответная любовь вовсе не безответна?

Когда товарищи подняли меня, я всё ещё был как в тумане. Убедившись, что с отцом и остальными всё в порядке, я не сводил глаз с Се Цзина — так и хотелось прильнуть к нему.

<http://bllate.org/book/15934/1423813>